

БАЙКИ МОЛДАВАНКИ: ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЖОРИКА

Yu. Elisey

**Байки Молдаванки:
приключения Жорика**

«Автор»

2026

Elisey Y.

Байки Молдаванки: приключения Жорика / Y. Elisey — «Автор»,
2026

«Шоб вы так жили, как Жора делает нам нервы!» Если вы думаете, шо вы знаете за Одессу всё, то вы просто ещё не знакомы с Жориком. Потому шо Жора — это не просто человек, это ходячий аттракцион невиданной семейной драмы в самом сердце легендарной Молдаванки. «Байки Молдаванки: приключения Жорика» — это сочный, убойный сборник юмористических историй, от кудого пахнет морем, свежей зеленью, жареной камбалой и легким налётом цыганского романса. В центре этого кулинарно-бытового хаоса — обычный одесский муж Жора, у которого есть две главные радости (они же — источники его перманентного менингита): Циля — верная жена со скалкой наперевес, способная сделать мужу беременную голову со скоростью звука. Тётя Соня — авторитетная тёща, приехавшая в гости с огромным фибровым чемоданом и упитанным британским котом Аароном, который признаёт только элитную овечью брынзу.

© Elisey Y., 2026

© Автор, 2026

Содержание

История первая. Большое побоище на привозе, или как Жора за синенькими ходил	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Yu. Elisey

Байки Молдаванки: приключения Жорика

История первая. Большое побоище на привозе, или как Жора за синенькими ходил

Акт 1. Инструктаж перед вылетом

Воскресное утро в Одессе начинается не с кофе. Воскресное утро начинается с того, что Циля весит на два килограмма больше, чем её совесть, но на три килограмма меньше, чем её мама, тётя Соня.

Жора лежал на диване, изображая из себя предмет интерьера, и пытался слиться с узором на обоях. Не помогло. Циля вошла в комнату с таким видом, будто она только что лично подписала пакт о капитуляции Жориного свободного времени.

— Жора, вставай, у нас горе, — трагически провозгласила Циля, поправляя халат. — К нам едет мама. А раз к нам едет мама, значит, у нас в доме должна быть не эта твоя тоска в глазах, а фаршированная рыба. И не просто рыба, Жора, а такая рыба, щоб маме не хотелось переписать нашу квартиру на своего кота.

Жора вздохнул. На мамино кота Аарона Жора имел личную обиду — этот пушистый паразит спал на чешском гарнитуре и смотрел на Жору как на незаконнорожденного.

— Цилечка, — жалобно протянул Жора, — я надеюсь, ты не хочешь мне сказать, шо надо идти на Привоз?!

— Как раз-таки надо идти на Привоз! — настойчиво проворчала Циля.

— А почему нельзя купить рыбу в магазине? Там она хотя бы не смотрит на меня так, будто я ей лично должен за три года оккупации.

— Жора, ты дурак или просто притворяешься, щоб я тебе меньше наливала? — Циля всплеснула руками. — Кто покупает рыбу для тёти Сони в магазине?! Ты хочешь, щоб она прямо с порога сказала, что у её зятя руки растут из того места, где у порядочных людей карманы? Короче, слушай сюда и запоминай своим менингитом.

Циля вытащила из кармана листок, исписанный убористым почерком, напоминающим план захвата Парижа.

Стратегический план закупки:

Глось или камбала — свежая, щоб ещё материлась, когда её берут за хвост. Брать только у мадам Люси. (Если Люся скажет, шо рыба ночевала в море — не верь, море далеко, Люся близко).

Помидоры «Микадо» — огромные, как Жорины амбиции, и красные, как лицо соседа, когда он видит нашу новую стиральную машину.

Брынза — овечья, выдержанная, щоб от неё пахло степью и немножко скандалом.

Синенькие (баклажаны) — глянцевые, правильной формы, для икры.

— И упаси тебя бог, Жора, — Циля погрозила пальцем, — купить синенькие с пупырышками. Если ты принесешь пупырышки, мама решит, что у тебя плохой вкус не только на овощи, но и на жену. Держи деньги. И помни: на Привозе надо торговаться так, будто от этого зависит твоя девственность. Беги!

Акт 2. Вход в зону повышенной опасности

Привоз встретил Жору так, как встречает стадион команду-победителя: криком, шумом, запахом жареных семечек, свежей зелени и легким амбре столетней истории. Здесь не ходили — здесь маневрировали.

Жора протиснулся сквозь стройных дам, торгующих носками, и сразу попал под обстрел одесского красноречия.

— Молодой человек! Да-да, вы, с лицом грустного интеллигента! — закричала ему полная женщина в фартуке цвета утренней зари. — Посмотрите на эти яблоки! Это же не яблоки, это чистый сироп! Если вы съедите одно, ваша жена начнет петь вам по ночам песни Софии Ротару!

— Моя жена поет песни только когда видит мою зарплату, и это скорее Лепс, — уклонился Жора и прибавил шаг.

Его целью был Рыбный корпус.

Рыбный корпус Привоза — это Ватикан одесского шопинга. Здесь свои законы, свой папа (в лице старшего весовщика дяди Бори) и своя святая инквизиция. Воздух здесь был настолько плотным от запаха камбалы, кефали и рачков, что его можно было намазывать на хлеб вместо масла.

Жора шёл по проходу, стараясь не поскользнуться на чешуе, пока не уперся в прилавок мадам Люси. Мадам Люся была монументальна, как памятник Дюку, только в синем переднике и с огромным ножом для разделки скатов.

— О, Жорик! — зычно закричала Люся на весь корпус, так что три проплывавших мимо покупателя вздрогнули. — Ты пришел за рыбой или просто посмотреть, как у меня идут дела? Если посмотреть, то дела идут хорошо, но медленно, как твоя карьера.

— Люся, доброе утро, — Жора постарался сделать лицо заправского перекупщика. — Мне нужна камбала. Но такая, шоб моя тёща, тётя Соня, съела кусок и на полчаса забыла, как разговаривать.

Люся оценила масштаб задачи. Она наклонилась под прилавок и с кряхтением вытащила оттуда плоскую, как блин, рыбину размером с крышку от канализационного люка. Камбала посмотрела на Жору обоими глазами, которые почему-то были на одной стороне, и Жоре показалось, что в этом взгляде было сочувствие.

— Смотри сюда, Жора, — прошептала Люся, и этот шепот слышали даже в мясном корпусе. — Это не камбала. Это королева Черного моря. Она ещё сегодня в четыре утра делала «ку-ка-ре-ку» на волнах возле Затоки. Потрогай её за брюшко. Жир — как на твоих щеках после курорта!

— И сколько стоит эта королева? — прищурился Жора.

— Для тебя, Жорик, зная твою тещу — чисто символически. Триста гривен за килограмм.

— Триста?! — Жора схватился за сердце. — Люся, вы что, ловили её на золотой крючок, инкрустированный бриллиантами? Или эту камбалу лично воспитывал Михаил Жванецкий? За триста гривен я сам могу стать рыбой и плавать у вас в аквариуме!

— Ой, Жора, не делай мне нервы, их есть кому портить, — отмахнулась Люся. — За двести пятьдесят я отдам её только потому, что твой покойный папа когда-то починил мне примус, и он после этого работал целых два дня.

— Сто восемьдесят, — твердо сказал Жора, вспоминая инструктаж Цили. — И вы сами её почистите, потому шо если я начну чистить её дома, Цили почистит меня этим же ножичком.

Вокруг прилавка уже начала собираться толпа. На Привозе торги — это бесплатный театр.

— Вы посмотрите на этого поца! — обратилась Люся к общественности. — Он хочет камбалу за сто восемьдесят, да еще шоб я сделала ей маникюр! Жора, за сто восемьдесят я могу предложить тебе только хвост от селедки, и то, если ты поцелуешь меня в щеку!

— Люся, давайте двести, и мы расходимся как приличные люди, без привлечения полиции и прессы, — взмолился Жора.

Люся вздохнула, посмотрела на камбалу, потом на Жору.

— Ладно, давай двести двадцать. Но учти, если твоя тёща не подавится от восторга, я верну тебе деньги, а рыбу заберу обратно прямо из её холодильника!

Нож Люси взлетел в воздух, и началась великая чистка. Чешуя летела во все стороны, как конфетти на карнавале в Рио-де-Жанейро. Жора замороженно наблюдал за процессом, пока одна крупная чешуйка не прилипла ему точно на лоб.

— Всё, Жорик, картина маслом, держи девственницу, — Люся протянула ему тяжелый, сочащийся пакет. — Беги, пока она не растаяла, как мои иллюзии о счастливой семейной жизни.

Жора взял пакет, чувствуя себя победителем. Но он еще не знал, что впереди его ждал овощной ряд, где законы логики не работали вообще.

Акт 3. Битва за «Микадо» и призрак синеньких

Выйдя из Рыбного корпуса с камбалой наперевес, Жора почувствовал себя как минимум адмиралом Нахимовым. Однако впереди лежал самый опасный участок маршрута — Овощные ряды. Здесь, среди гор укропа и пирамид из молодого картофеля, сидели женщины, способные взглядом определить размер твоей заначки сквозь три слоя кожаного кошелька.

Жора развернул Цилин список. «Микадо». Помидоры должны были быть идеальными.

Он подошел к лотку, за которым сидела колоритная дама поморского типа, Мадам Бернштейн. Над её лотком висела картонка с надписью: «Помидоры "Микадо"». Сладкие, как первая любовь, крупные, как мамины слезы».

— Молодой человек, не проходите мимо своей судьбы, — лениво пропела мадам Бернштейн, обмахиваясь пучком петрушки. — Посмотрите на эти томаты. Это же не овощи, это произведения искусства! Из них можно делать сок, можно делать салат, а можно просто положить в сервант вместо хрусталя!

Жора подошел ближе, протянул руку, чтобы выбрать помидор покрупнее, но тут же получил пучком петрушки по пальцам.

— Руками не трогать! — рявкнула мадам Бернштейн со скоростью пулемета Максим. — Глазами выбирай, глазами! Ты своими пальцами сотрешь с них благородный загар! Хочешь потрогать — женись, там трогай сколько влезет, а у меня тут приличный бизнес!

— Извините, — замялся Жора, — но мне надо выбрать для тёщи. Если там внутри будет хоть одна семечка не того цвета, она устроит мне второе пришествие прямо на кухне.

Мадам Бернштейн мгновенно сменила гнев на милость. Тема тёщи на Привозе — это как пароль «свой-чужой».

— А-а-а, для тёщи... — сочувственно протянула она. — Шо ж ты сразу не сказал, сиротинушка? Для тёщи у меня есть отдельный ящик. Под прилавком.

Она наклонилась, и Жора услышал подозрительный шорох. Через секунду на свет появился помидор размером с хорошую дыню «Колхозницу». Он был бордово-красным, слегка помятым с одного бока, но выглядел монументально.

— Вот, — гордо сказала Бернштейн. — Весит килограмм двести. Один такой помидор — и салат на всю семью готов, еще и останется соседям на бланш, если они будут громко праздновать день рождения.

— А почему он сбоку синий? — подозрительно спросил Жора.

— Жора, не будьте ребенком! Это не синий, это благородный индиго! Он рос рядом с баклажанами и просто набрался от них интеллигентности! Бери, отдаю за бесценок. Пятьдесят гривен.

— Двадцать пять, — тут же отрезал Жора, помня наставления Цили.

— Двадцать пять?! За этот шедевр мичуринской мысли? — мадам Бернштейн картинно прижала руки к груди. — Да за двадцать пять гривен ты можешь купить только пластиковый помидор в супермаркете и грызть его до следующей пасхи! Сорок!

— Тридцать, и я не говорю Циле, что вы обвешиваете покупателей на левых весах, — тихо сказал Жора, заметив под прилавком подозрительную гирьку, привязанную на ниточке к чаше весов.

Мадам Бернштейн замерла. Её глаза сузились, превратившись в две щелочки, в которых читался план Жориной ликвидации.

— Ты смотри, какой шустрый... Ладно, тридцать пять, и катись отсюда к своей Циле, пока я не вспомнила, что твой двоюродный брат Моня должен мне за петрушку еще с девятнадцатого года!

Жора аккуратно уложил гигантский «Микадо» в сумку рядом с камбалой. Рыба и помидор заняли почти всё пространство. Оставались синенькие.

Он повернулся к соседнему ряду и замер. Прямо перед ним стоял лоток, на котором лежали ОНИ. Баклажаны. Но они были... странными. На их глянцевой фиолетовой кожице отчетливо виднелись небольшие пупырышки.

В голове Жоры сиреной зазвучал голос Цили: «Упаси тебя бог купить синенькие с пупырышками!»

За прилавком стоял молодой парень кавказской наружности по имени Вано, который улыбался так широко, что были видны все его золотые зубы, включая те, которые он еще только собирался вставить.

— Эй, дорогой! Заходи, бери синенькие! Свежие, только из огорода! Как виноград, клянись!

— Молодой человек, — Жора подошел ближе, сохраняя дистанцию. — А шо это у них за пупырышки? Моя жена говорила, шо правильные синенькие должны быть гладкими, как лысина нашего управдома.

Вано всплеснул руками, его золотые зубы блеснули на солнце:

— Вах, дорогой! Зачем лысина управдома? Это же новый сорт! Называется «Привозной экстаз»! Эти пупырышки — это же самый сок! Знаешь, какая икра из них получается? С пупырышками! Твоя жена один раз попробует — всю жизнь меня благодарить будет, тебе премию выпишет!

Жора засомневался. С одной стороны, Вано выглядел очень убедительно. С другой стороны, Цили в гневе была страшнее, чем ураган «Катрина».

— А они точно не... больные? — прошептал Жора.

— Кто больной?! Мой баклажан больной?! — Вано обиделся так громко, что пара голубей на крыше корпуса взлетела в воздух. — Да мой баклажан здоровее, чем ты, дорогой! Смотри, какой упругий! — Он с силой хлопнул баклажаном по прилавку. Раздался сочный звук. — Бери, тридцать гривен килограмм. Отдаю со слезами на глазах!

Жора посмотрел на баклажаны. Баклажаны молчали, но пупырышки на них выглядели зловеще.

Акт 4. Великое сомнение за пупырчатые синенькие

Жора стоял перед прилавком Вано и чувствовал, что его мозг начинает плавиться быстрее, чем маргарин на июльском солнце. Пупырышки на баклажанах подмигивали ему всеми своими фиолетовыми выпуклостями.

— Вано, — Жора понизил голос до шепота контрабандиста. — Ты мне тут зубы не заговаривай за свой «Экстаз». Шо это за пупырышки? Если моя Цили увидит этот дерматит, она решит, шо эти синенькие болели ветрянкой вместе с твоим огородом! И тогда ветрянка начнется лично у меня, причём без всякого доктора!

Вано картинно схватился за голову, аж кепка сдвинулась на затылок.

— Та ты чиво, Жорик! Какая ветрянка, бог с тобой и со всей твоей интеллигентной семьёй! — запричитал Вано, активно жестикулируя баклажаном. — Послушай сюда, я тебе скажу за этот сорт вещь, кудой ты ещё не думал. Эти пупырышки — это же натуральный мас-

саж для языка, когда ты кушаешь икру! Понимаешь? Щас все самые крутые рестораны на Дерибасовской берут только сюдой! Сама мадам Грицацуева вчера приходила, взяла три кило и сказала, что её Наум от этой икры стал выглядеть так, как будто бы ему снова тридцать лет и он опять хочет жениться!

Жора прищурился. Идея вернуть Науму молодость его не волновала, но вот идея выжить после встречи с Цилей была очень даже заманчивой.

— Ладно, — вздохнул Жора. — Но шоб ты знал, Ваню: если из этих прыщей получится плохая икра, я приду сюдой обратно. И мы будем резать эти баклажаны прямо на твоих золотых зубах. Скока ты хочешь за два килограмма этой радости?

— Для тебе, Жора, чисто из уважения к твоей смелости — давай по двадцать пять. И чтоб я больше не видел твоего грустного лица, а то у меня щас молоко в соседнем ряду скиснет от твоей тоски!

Ваню ловко швырнул синенькие на весы. Стрелка бешено крутанулась, как сумасшедшая карусель, и замерла где-то в районе двух с половиной килограмм, хотя Жора просил два.

— Смотри, Жорик, ровно два кило и ещё кусочек на затирку! С тебе пятьдесят гривен, и беги тудой, пока солнце не съело твою камбалу!

Жора отдал деньги, впихнул баклажаны в сумку, которая уже начала жалобно трещать по швам. Камбала внутри пакета зашевелилась (или Жоре это просто показалось от общего перегрева), а гигантский помидор «Микадо» грозно поджал баклажаны своим бордовым боком.

Акт 5. Молочный корпус и штурм брынзы

Теперь Жоре предстояло пройти через чистилище — Молочный корпус. Если в Рыбном корпусе пахло морем и торгом, то здесь стоял такой густой дух свежей сметаны, творога и коровьего молока, что можно было сойти с ума без всякого путеводителя.

Здесь за прилавками стояли женщины, у которых в руках были не только ножи, а круглые деревянные лопаточки и длинные тонкие ножи для брынзы. Это были настоящие королевы белых халатов.

Жора шёл по ряду, а со всех сторон ему уже летели заманчивые предложения:

— Мужчина! Попробуйте сметанку! Сметана — чистая бомба, ложка стоит так, шо её никакой ОМОН не повалит!

— Молодой человек, идите сюдой, посмотрите на мой творог! Это же не творог, это же песня без баяна!

Жора упорно шёл вперед, пока не уперся в мадам Хая. Мадам Хая была белая, как её собственный творог, и широкая, как парадный вход в Оперный театр. На её груди гордо покоилась золотая цепь такого размера, что ей можно было завязать средний океанский лайнер.

— Жорик! Ну конечно, кто ещё может ходить по базару с таким видом, как будто бы у него щас отберут паспорт? — зычно прокомментировала Хая, мгновенно вычленив его из толпы. — Шо тебе надо от моей честной жизни? Сметанки? Или, может, брынзочки для твоей Цили, шоб она перестала делать тебе беременную голову хотя бы на выходные?

— Хая, добрый день, — Жора вытер пот со лба. — Мне нужна брынза. Овечья. Но такая, шоб в меру соленая, шоб от неё пахло степью, а не старыми носками дяди Яши. И шоб теща, тётя Соня, когда её попробует, сказала: «Да, Жора, ты таки да имеешь вкус».

Хая посмотрела на Жору со всей скорбью еврейского народа.

— Жора, ты хочешь брынзу для тётки Сони? Ты шо, решил покончить жизнь самоубийством через дегустацию? Твоя теща — это же ходячая налоговая инспекция! Ей угодить — это надо, шоб овца, которая давала это молоко, закончила как минимум Одесскую консерваторию по классу скрипки!

Тем не менее, Хая повернулась к огромной белой голове брынзы, нарезала тонкий, прозрачный ломтик своим длинным ножом и ловко подцепила его кончиком лезвия.

— На, попробуй, — Хая протянула нож Жоре прямо в лицо. На Привозе это высший знак доверия — кушать прямо с ножа продавца. — Если ты скажешь, шо это плохая брынза, я щас сама уеду жить в Житомир от позора.

Жора аккуратно снял губами кусочек. Брынза была плотной, влажной, с мелкими дырочками. Она сначала отозвалась легкой соленой ноткой, а потом буквально растаяла во рту, оставив благородное сливочное послевкусие.

— Ну шо? — Хая затаила дыхание, хотя всем своим видом показывала, шо ей абсолютно всё равно на мнение какого-то там Жоры.

— Хая... — Жора зажмурился. — Это таки да шедевр. Овца явно была лауреатом международных конкурсов.

— Во-о-от! — победно закричала Хая на весь корпус. — А ты ещё сомневался своими маленькими мозгами! Сколько тебе отвесить? Полкило?

— Давай грамм семьсот, — согласился Жора. — Сколько с меня?

— Семьдесят гривен за этот кусок рая на земле. И то, только потому, шо щас воскресенье и я хочу пораньше уйти домой, щоб посмотреть новую серию турецкого сериала, где все плачут так же, как ты, когда платишь деньги.

Хая завернула брынзу в чистую марлю, потом в пергамент и выдала Жоре. Тот попытался засунуть её в сумку, но сумка издала характерный звук «Тр-р-рк». Одна ручка из плотной ткани надорвалась наполовину.

Жора замер. Сумка была перегружена сверх всякой меры: на самом дне лежала тяжелая, мокрая камбала от Люси, над ней возвышался килограммовый «Микадо», сбоку давили пупырчатые баклажаны от Ваню, а теперь сверху легла плотная, как кирпич, овечья брынза.

До выхода с Привоза оставалось метров двести, но эти двести метров Жора должен был пройти так, чтоб его стратегический запас для тётки Сони не рассыпался прямо под ноги голодным привозным котам.

Акт 6. Встреча с Фимой и парад контрабанды

Жора прижал несчастную сумку к животу обеими руками, напоминая молодую мать с младенцем-переростком, и мелкими шажками двинулся к выходу. На его лбу чешуйка камбалы уже окончательно засохла и блестела на солнце, как кокарда генерала рыбных войск.

И тут, прямо у самого выхода, из-за угла мясного павильона вырос Фима. Фима был местным философом, непризнанным гением и человеком, который знал за Одессу такое, что не знали даже в городском архиве. На Фиме были надеты шорты по колено, майка-алкоголичка и старые солнцезащитные очки, где одно стекло было треснуто ровно по диагонали.

— О! Жорик! Стоять конем, куда ты так летишь, как будто бы за тобой гонится вся прибрежная зона? — Фима заступил ему дорогу, внимательно разглядывая Жорину позу. — Шо это ты несешь с таким лицом, как будто бы там внутри сидит как минимум министр финансов?

— Фима, уйди с прохода, у меня щас ручка оторвется! — взмолился Жора, пытаясь обойти друга слева. — У меня дома Циля караул держит, а на подходе тётка Соня! Если я рассыплю эту камбалу, моя жизнь закончится, не успев начаться!

Фима посмотрел на сумку, потом на Жору, потом поправил свои треснутые очки.

— Тётка Соня? Ой-вей, Жорик... Тогда ты не просто несешь сумку, ты несешь свою путевку в мирную жизнь. Дай я посмотрю, шо ты там накопил. Шо за синенькие?

Фима бесцеремонно запустил руку в сумку и вытащил один баклажан от Ваню. Его лицо мгновенно вытянулось.

— Жора... Ты шо, сошел с ума всей своей головой? Шо это за прыщи? Где ты взял эти баклажаны, на Чернобыльской атомной станции?

— Это новый сорт! — начал оправдываться Жора. — Называется «Привозной экстаз»! Ваню сказал, шо щас все лучшие рестораны...

Фима перебил его таким смехом, что даже продавщица семечек неподалеку перестала лузгать свой товар.

— «Привозной экстаз»! Ха! Жора, Ваню этот «экстаз» собирал на заднем дворе заброшенного химзавода под Одессой! Эти пупырышки — это не сорт, это баклажаны просто испугались его ценника! Если твоя Циля сделает из этого икру, у вашей тётки Сони внутри начнется такой «экстаз», шо её личный кот Аарон уедет жить на ПМЖ в соседнюю область!

Жора почувствовал, как у него внутри всё похолодело. Ручка сумки в этот момент издала финальный «Хрусь» и окончательно оторвалась с одной стороны. Сумка накренилась, и из неё, как благородный лорд из кареты, начал медленно выезжать гигантский помидор «Микадо», целясь прямо в грязный асфальт.

Акт 7. Спасение помидора и стратегический маневр Фимы

— Жора, хватай его зубами! — дурным голосом заорал Фима, роняя свои треснутые очки прямо на асфальт. — Хватай, это же тридцать пять гривен чистого золота, оно щас превратится в томатную пасту прямо об этот грязный Привоз!

Жора проявил такую грацию, кудой от него не ожидали даже на уроках физкультуры в седьмом классе. Он резко выкинул вперед подбородок и мертвой хваткой прижал падающий гигантский «Микадо» к своей груди, намертво зажав его между подбородком и завернутой в марлю брынзой мадам Хаи. Картина маслом: стоит Жора, согнувшись буквой «Г», изо рта торчит помидор, на лбу блестит чешуя, а из порванного ушка сумки сиротливо выглядывает хвост камбалы.

Фима быстро поднял свои очки, подул на них и уважительно покачал головой.

— Ну ты таки да циркач, Жорик. Тيبة надо выступать в шапито, а не крутить гайки на СТО. Ладно, ради бога твоего брака, давай сюдой этот твой натюрморт, пока ты окончательно не родил тут инфаркт.

Фима лихорадочно запустил руку в свои необъятные шорты и извлек оттуда легендарный пластиковый кулёк с надписью «BOSS», который уже пережил как минимум три государственных переворота и две денежные реформы. Кулёк был потертый, но крепкий, как характер тётки Сони.

— На, перекладывай сюда своё горе, — скомандовал Фима, помогая Жоре эвакуировать пупырчатые синенькие от Ваню. — Но шоб ты знал, Жора: за эти баклажаны я тебе ничего не говорил. Если твоя тётка после этой икры начнет светиться в темноте, ты скажешь, шо купил их у глухонемого молдаванина на выезде из города. Понял?

— Понял, Фимочка, понял, дорогой, — Жора судорожно перепихивал камбалу в кулёк «BOSS». Рыба легла на дно с таким звуком, будто бы она была согласна с планом Фимы. — Всё, я побежал, бо Циля щас начнет звонить в бюро находок!

— Беги, Жора, беги! И пусть господь хранит твой желудок! — крикнул Фима вслед, возвращаясь к созерцанию привозного бытия.

Акт 8. Дорога скорби до родного дома

Жора летел по улице Пантелеймоновской так, что трамваи притормаживали, чтоб уступить ему дорогу. В одной руке у него был кулёк «BOSS» с камбалой и пупырчатым «Экстазом», во второй — остатки старой сумки, где сидел помидор-мутант и лауреатка всесоюзных конкурсов овечья брынза.

В голове у него стучал один и тот же мотив: «Успеть до мамы, успеть до мамы...» Если тётка Соня придет раньше, она зайдет в пустую кухню, посмотрит на чистую плиту и скажет Циле свою коронную фразу: «Цилечка, детка, твой муж не просто не может заработать на приличный обед, он даже не может организовать его доставку из приличного места!» А после этого она сядет на диван и будет вздыхать так громко, шо в серванте начнет звенеть хрусталь, купленный на её же свадьбу сорок лет назад.

Жора влетел в свой родной одесский дворик на Молдаванке со скоростью курьерского поезда. Во дворе, как обычно, на раскладных стульях сидел консилиум в лице мадам Берзон и тети Песи. Они бдительно следили за международной обстановкой в пределах одного отдельно взятого колодца.

— О, Жорик прибежал! — закричала тетя Песя, провожая его взглядом хищной птицы. — Жора, ты шо, ограбил рыбный павильон? От тебе пахнет так, как будто бы ты всю ночь спал в обнимку с черноморским флотом!

— Песя, не трогай мальчика, ты видишь, у него на лице написан весь уголовный кодекс! — отозвалась мадам Берзон. — Жора, твоя Циля уже три раза высывалась в окно и кричала тудой, шо если ты щас не придешь, она сделает из твоих любимых удочек штaketник для палисадника!

Жора ничего не ответил, только хрипнул что-то нечленораздельное и рванул вверх по деревянной лестнице на второй этаж.

Акт 9. Битва титанов на кухне

Дверь квартиры захлопнулась, и Жора рухнул в коридоре на пуфик, тяжело дыша и вываливая всё своё богатство прямо на паркет. Из кухни мгновенно выплыла Циля. В руках у неё была скалка, кудой она мешала тесто, но выглядела она с ней так, будто бы собиралась разгонять митинг оппозиции.

— Ну и где ты ходишь, Жора?! — закричала Циля, упирая руки в бока. — Мама уже звонила с вокзала! Она сказала, шо таксисты в этой Одессе совсем потеряли стыд и хотят за дорогу столько, как будто бы они везут её не на Молдаванку, а прямо в Париж через Житомир! Шо ты принес? Показывай щас же!

Жора молча протянул ей кулёк «BOSS». Циля заглянула внутрь. Её лицо за секунду поменяло три оттенка: от бледного до пунцового.

— Жора... — тихо, с пугающей вежливостью произнесла она. — Я щас правильно вижу своими глазами, или у меня начались галлюцинации от голода? Шо это за синие чудовища? Почему эти баклажаны выглядят так, как будто бы у них подростковые прыщи?! Я же тебе русским языком говорила: не брать с пупырышками!

— Цилечка! — Жора вскочил с пуфика, активно жестикулируя руками. — Ты ничего не понимаешь! Это же элитный сорт! Ваню клялся своими золотыми зубами, шо это «Привозной экстаз»! Его щас берут во все рестораны на Дерибасовской! Сам Наум Грицауев после этой икры помолодел так, шо его жена опять прячет от него заначку!

— Какой Наум?! Какой «Экстаз», поц ты этакий! — Циля замахнулась скалкой. — Мама увидит эти прыщи и решит, шо мы хотим её отравить, шоб освободить жилплощадь! Она же устроит нам тут такие «Тайны Приморского бульвара», шо мы будем бежать отсюда до самого Марселя без компаса!

И тут в коридоре раздался длинный, требовательный звонок в дверь. Звонили три раза — коротко, коротко и один раз длинно, со значением.

В квартире наступила мертвая, гробовая тишина. Даже камбала в кульке, кажется, перестала шевелиться.

— Мама... — прошептала Циля, мгновенно бледнея и пряча скалку за спину. — Она приехала. Жора, быстро хватай эту рыбу, беги на кухню и делай вид, шо ты её жарил уже два часа! А я пойду открывать эту камеру пыток...

Жора схватил кулёк «BOSS», помидор и брынзу и во главе с этим продовольственным отрядом шмыгнул на кухню. Сердце у него колотилось где-то в районе правого кармана брюк. Шоу начиналось.

Акт 10. Явление тётки Сони народу

Дверь со скрипом отворилась, и в коридор вплыла тётка Соня. Она заходила в квартиру так, как заходят триумфаторы в покорённый Рим — с высоко поднятой головой, огромным

фибровым чемоданом на колесиках и дорожной корзинкой, откуда подозрительно и очень недовольно мяукало. Кот Аарон приехал вместе с ней, чтоб лично проконтролировать Жорино падение.

— Цилечка, деточка! — с порога запричитала тётя Соня, выставляя чемодан прямо на Жорин левый тапочек. — Шо ты стоишь с таким бледным лицом, как будто бы тебе щас принесли повестку в народный суд? Или твой Жорик снова проиграл в домино полугодовой бюджет вашей несчастной семьи? И почему в этом доме пахнет так, как будто бы на вашей кухне только шо закончилась подпольная сходка контрабандистов?

— Мамочка, ну шо вы такое говорите прямо с порога? — Циля картинно бросилась обнимать маму, стараясь телом загородить проход в сторону кухни. — Жорочка у меня золото! Он целое утро бегал по Привозу, щоб достать для вас самую лучшую, самую свежую рыбку! Она ещё два часа назад плавала в море и думала за своё прекрасное будущее!

Тётя Соня прищурила правый глаз, аккуратно сняла свою благородную шляпку с искусственной вишней и швырнула её точно на вешалку.

— Циля, не делай мне смешно, моё сердце этого не выдержит, — Соня поправила шаль. — Твой Жора и приличная рыба — это две вещи, которые могут встретиться только в толковом словаре на букву «Х», в слове «Химера». Ладно,пусти маму, мама хочет помыть руки и посмотреть, кудой уходят мои лучшие годы, потраченные на твое воспитание.

Корзинка на полу снова издала утробное «Мяу», причём с таким британским акцентом, что Жора на кухне непроизвольно вытянулся по стойке «смирно».

Акт 11. Разведка боем на кухне

Жора на кухне судорожно пытался сделать камбале обрезание хвоста, чтобы эта королева Черного моря поместилась хотя бы на самую большую чугунную сковородку. Чешуя, которую Люся недочистила, летела во все стороны, включая Жорин нос.

Тётя Соня вошла на кухню бесшумно, как призрак коммунизма. Она остановилась у порога, заложив руки за спину, и начала медленно сканировать помещение взглядом опытного судебного эксперта.

— О, Жорик! Живой ещё? — вместо здравствуйте выдала Соня, внимательно разглядывая чешую у него на лбу. — Шо-то ты выглядишь так, как будто бы тебя всю дорогу везли сюдой в багажнике без кондиционера. Шо ты делаешь с этой несчастной рыбой? Ты её жаришь или просто пытаешься уговорить её умереть во второй раз?

— Тётя Соня, здрасти, щоб вы так жили, как мы вам рады! — Жора выдавил из себя улыбку такой ширины, что у него заболели ушные раковины. — Смотрите, какую камбалу я вам оторвал у мадам Люси! Чистый жир! Она из воды вылезала и сама просилась к вам в тарелку!

Тётя Соня подошла ближе, наклонилась над раковиной и подозрительно ткнула рыбу указательным пальцем с безупречным маникюром.

— Жора, ты хочешь сказать мне, шо эта плоская субстанция — камбала? — Соня хмыкнула. — По-моему, на неё просто случайно наступил портовый кран, и Люся продала тебе этот несчастный случай по цене элитного деликатеса. Ладно, для холодца сойдет, если добавить туда две пачки желатина и много твоих слез. А шо это за натюрморт лежит у тебя в углу?

Она повернула голову в сторону подоконника, кудой Жора опрометчиво вывалил остатки привозного улова.

Мир вокруг Жоры снова замедлился. Взгляд тёти Сони намертво зафиксировался на пупырчатых баклажанах от Вано.

Акт 12. Экспертиза «Привозного экстаза»

В кухню тихонько просочилась Циля, держа в руках полотенце и готовая в любой момент упасть в обморок для спасения мужа.

— Жора... — тихо, с леденящим душу пафосом произнесла тётя Соня, указывая пальцем на синенькие. — Подойди сюдой ближе. Шо это за фиолетовый кошмар? Почему эти бакла-

жаны выглядят так, как будто бы они провели свою бурную молодость в компании портовых грузчиков и подхватили там все известные науке болезни?

— Мама! — вмешалась Циля, хватаясь за сердце. — Вы ничего не понимаете в высокой кухне! Это же новый, дефицитный сорт! Называется «Привозной экстаз»! Его щас во все французские рестораны на Дерибасовской везут контрабандой! Жора за ним два часа в очереди стоял, чуть драка не случилась с директором оперного театра!

Тётя Соня медленно взяла один пупырчатый баклажан, подняла его на уровень глаз и посмотрела сквозь него на солнце, будто это был благородный хрусталь.

— «Привозной экстаз»?.. — Соня прищурилась так, что Жора захотел уехать в долгосрочную командировку в Магадан. — Циля, детка, этот «экстаз» рос на заднем дворе заброшенной обувной фабрики, кудой сливали отходы гуталина! Посмотрите на эти прыщи! Если я сделаю из этого икру, то у нашего Аарона вылезет вся шерсть, а у твоего Жорика начнется такой экстаз в районе поясницы, шо он будет бегать до аптеки быстрее, чем украинская сборная по футболу!

— Тётя Соня! — взмолился Жора, чувствуя, что надо идти ва-банк. — Клянусь честью нашей семьи! Если икра из этих синеньких вам не понравится, я лично... я лично отдам Аарону свои лучшие импортные удочки под когтеточку!

Кот Аарон в коридоре, услышав за удочки, одобрительно и громко муркнул из своей корзинки. Тётя Соня посмотрела на Жору, потом на баклажан, потом снова на Жору. На её лице проступила едва заметная, чисто одесская ухмылка.

— Ладно, Жорик. Ты поймал меня на моем слабом месте — на любви к животным. Циля, бери нож, будем делать операцию этому «экстазу». А ты, зятек, иди сюдой и открывай бутылку домашней наливки, кудой я привезла с собой. Будем лечить твой менингит перед обедом.

Жора выдохнул так громко, что со стола сдуло две чешуйки камбалы. Первый раунд был выигран, но впереди была главная интрига воскресенья — дегустация синеньких с пупырышками.

Акт 13. Священнодействие над синенькими, или Дым над Молдаванкой

Кухня Жоры превратилась в филиал одесского ада, но в хорошем, кулинарном смысле этого слова. Тётя Соня завязала свой парадный фартук с воланами так туго, как будто бы собиралась идти в рукопашную на главного санитарного врача Привоза.

— Так, Жора, стой там, где ты стоишь, и не дыши в сторону продуктов, у тебя от волнения углекислый газ портит структуру овечьей брынзы! — скомандовала Соня, выстраивая синенькие на газовой конфорке. — Запомни сам и передай своим нерожденным потомкам: настоящая одесская икра из синеньких не варится в духовке, как эта ваша диетическая тоска! Она печётся прямо на огне, щоб шкурка сгорела к чертовой матери, а внутри остался дух костра и легкий налет цыганского романа!

Жора послушно отошел к холодильнику, нежно прижимая к себе бутылку тещиной наливки. Бутылка запотела и манила его так, как манит путевка в санаторий «Аркадия» в разгар августа.

Тем временем на плите баклажаны от Вано начали подозрительно шипеть. Их пупырышки под воздействием открытого огня лопались с тихим, деликатным треском, пуская по кухне такой густой, маслянистый и умопомрачительный аромат, что у кота Аарона в коридоре началось обильное слюноотделение. Он даже перестал драть когтями обшивку двери и сел у порога кухни, интеллигентно поджав хвост.

— Циля, детка, швырай сюдой деревянную доску! — кричала тётя Соня, ловко переворачивая горячие баклажаны прямо пальцами. — И упаси тебя бог дать мне металлический нож! Ты шо, хочешь, щоб икра окислилась и стала цвета лица твоего мужа, когда он видит квитанцию за отопление? Икру рэжут токо деревянным или костяным ножиком! Жора, почему у тебя в доме нет костяного ножа? Ты шо, до сих пор не съел ни одного приличного мамонта?

— Мамочка, у нас есть специальная деревянная лопатка от тефлоновой сковородки! — лихорадочно рапортовала Циля, параллельно уничтожая гигантский помидор «Микадо».

Помидор под её ножом исходил густым, сахарным соком. Он был такой огромный, шо занял три глубокие тарелки, и тётя Соня, мазнув по нему взглядом, неохотно буркнула:

— Ну ладно... За помидор твоему поцу можно простить половину его грехов. Такой томат рос явно под личным присмотром начальника Одесского порта. Жора, наливай уже свою микстуру, а то у меня от вашей кулинарии щас начнется упадок сил в районе правого предсердия!

Акт 14. Парад на Дерибасовской в отдельно взятой квартире

Через час стол в гостиной выглядел так, что его можно было фотографировать для обложки журнала «Роскошная жизнь на Молдаванке».

Центральное место занимала камбала от мадам Люси. Она была обжарена до такой безумной, золотистой, хрустящей корочки, что казалось, если к ней прикоснуться вилкой, она издаст победный марш. Рядом покоилась брынза мадам Хаи, нарезанная толстыми кубиками, сквозь которые сочилась благородная соленая слеза. Помидоры «Микадо» были густо посыпаны фиолетовым базиликом и политы домашним подсолнечным маслом, откуда пахло семечками на весь двор.

И, наконец, в хрустальном салатнике, купленном еще на совершеннолетие Циля, лежала ОНА. Икра из пупырчатых синеньких. Она имела нежный, оливково-золотистый цвет, слегка поблескивала чесночным маслом и пахла так, что соседский пес на первом этаже завыл от зависти к человеческой цивилизации.

Тётя Соня села во главе стола. Кот Аарон устроился на соседнем стуле с таким видом, будто бы он как минимум председатель жюри на конкурсе Мисс Черное Море.

— Ну шо, семейство... — Соня медленно взяла графин с наливкой, налила три рюмки до самого края, так чтоб поверх стекла образовался мениск. — Давайте выпьем за то, шоб мы так жили, как вы тут мне рассказываете за свои трудности. Жора, бери рюмку, но смотри мне в глаза. Если я щас попробую этот твой «Экстаз» и мне станет грустно, твои удочки завтра уедут на Староконный рынок в секцию «Всё по рублю».

Жора сглотнул слюну, кивнул и опрокинул рюмку. Наливка прошла по пищеводу как горячий кусок кашемира — мягко, с нотками вишневой косточки и легким намеком на то, что жизнь, в принципе, не такая уж и плохая вещь, даже если к тебе приехала тёща.

Акт 15. Вердикт кота Аарона и окончательная картина маслом

Наступила секунда абсолютной, звенящей тишины. Тётя Соня взяла корочку черного бородинского хлеба, аккуратно намазала на неё толстый слой икры из пупырчатых синеньких, сверху положила тонкий, как папиросная бумага, ломтик брынзы и медленно, с достоинством истинной королевы, понесла этот бутерброд ко рту.

Жора зажмурился. Циля перестала дышать со скоростью один вдох в минуту. Во дворе затих даже трамвай №5.

Тётя Соня откусила половину. Её челюсть сделала три плавных движения. Глаза затуманились, как Одесский залив во время осеннего шторма. Она замерла.

— Мама... — тихо, на грани ультразвука прошептала Циля. — Ну шо там? Шо говорит ваше авторитетное мнение?

Соня не ответила. Она отломила маленький кусочек бутерброда с икрой и аккуратно положила его на блюдечко перед котом Аароном. Кот подошел, подозрительно понюхал своими усами, зажмурился... и с чудовищным урчанием мгновенно слизнул всё до последней капли, после чего начал бешено намыwać морду правой лапой.

Тётя Соня медленно повернула голову к Жоре. Её лицо, еще минуту назад выражавшее готовность расстрелять весь Привоз без суда и следствия, вдруг разгладилось.

— Жора... — тихо, со значением сказала она. — Подойди сюдой ближе, я хочу посмотреть на твои глаза. Твой Ваню с золотыми зубами... он таки да не соврал. Это не просто «Экстаз». Это чистый синагогальный хор с оркестром Одесской филармонии! Эта брынза... этот помидор... Жора, у тебя впервые в жизни руки выросли из того места, кудой господь планировал их поставить по штатному расписанию!

Жора почувствовал, как у него за спиной резво вырастают крылья размером с хорошего пеленгаса.

— Та ты шо, тётя Соня! — закричал он, сияя как начищенный самовар. — Я же говорил! Привоз — это же не просто базар, это же академия вкуса! Наливай еще по одной, бо камбала щас обидится, шо мы едим её без должного уважения к её морскому прошлому!

— Наливай, зятек, наливай! — весело отозвалась Соня, потянувшись за вторым куском рыбы. — Циля, детка, дай твоему мужу самый большой кусок камбалы, он сегодня его честно заработал своим менингитом!

За окном весело шумела вечерняя Мясоедовская улица, где-то вдалеке привычно громыхал двадцать первый трамвай, во дворе мадам Берзон громко ругала своего Моню за то, шо он не Жора, а в маленькой уютной квартире в самом сердце Молдаванки царил абсолютный, стопроцентный и чисто одесский мир. Картина маслом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.